

УДК 316.7

Соломатина Е.Н.

Концепция безопасности в русской социологии XIX–XX вв. (обзор)

Соломатина Елена Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры, воспитания и безопасности социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Дан обзор особенностей формирования и развития социальных знаний о безопасности в работах российских социологов XIX–XX столетий, особое внимание уделяет идейно-теоретическим и культурным предпосылкам для исследования современных проблем безопасности.

Ключевые слова: безопасность, культура безопасности, безопасность общества, духовная безопасность, западники, славянофилы, евразийцы, русский позитивизм, русский материализм.

В современном научном знании принципиальное значение уделяется изучению безопасности и связанных с ней различных аспектов сохранения и развития человека, общества и цивилизации в целом. Актуализация такого внимания к безопасности обусловлена двумя важными моментами.

Во-первых, возрастанием различных глобальных вызовов современности, возникновение новых, в том числе, имеющих идеологическую направленность: а) вызов развитых стран во главе с США всему остальному миру (геополитические, геоэкономические, геокультурные аспекты безопасности); б) вызовы природной и искусственной среды обитания человека (социально-экономические, экологические, техногенные аспекты безопасности); в) вызов человека как социокультурного существа самому себе (гуманитарные аспекты безопасности).

Во-вторых, само понятие «безопасность» в современном научном знании является одним из самых сложных и неоднозначных, поскольку предметная область науки о безопасности пока еще до конца не оформилась, не определена и специфика этой дисциплины по сравнению с другими, смежными отраслями научного знания, отсутствует прочная теоретико-методологическая база и структура. В современном научном знании отсутствует единая система взглядов на безопасность и на возможные методологические модели в построении концепции безопасности современного российского общества.

Кроме того, низкий уровень защищенности всего российского общества, а также отдельного человека, социальных групп, общностей, указывает на необходимость научной и практической проработки безопасности как определяющего фактора в сохранении, устойчивом функционировании и стабильном развитии.

С середины 90-х гг. XX в. проблема обеспечения безопасности личности, общества и государства активизировалась не только как практическая задача государства по обеспечению устойчивого функционирования и развития страны и ее защищенности от воздействия внешних и внутренних угроз, но и как научное направление различных обществоведческих, в том числе и социологических исследований. В российских общественных науках ведутся активные разработки, направленные на изучение природы безопасности, на исследование проблем системного обеспечения безопасности личности, общества и государства (Г.В. Осипов, Р.Г. Яновский, В.Н. Иванов, В.И. Добренков, А.С. Капто, В.К. Левашов, С.В. Кортунов), взаимосвязи проблем безопасности и устойчивого развития (А.Д. Урсул), отдельных видов безопасности, таких, как экономическая (И.Я. Богданов), военная (В.В. Серебрянников, А.Т. Хлопьев, Ю.И. Дерюгин, Н.Н. Ефимов и др.), информационная (Е.Ю. Митрохина, В.Я. Нечаев, Г.В. Грачев), безопасность личности (Ф.К. Мугулов). Значительный объем работы был проделан в рамках исследования проблем национальной, региональной безопасности России, обоснованы методологические основы исследования проблем развития человека и общества в контексте безопасности (А.А. Прохожев)¹. Изучению социально-философских аспектов безопасности и становлению систем общественной безопасности личности посвящены публикации Л.И. Шершнева². Особым вкладом в разработку общетеоретических и теоретико-методологических основ анализа проблем безопасности стали труды В.Н. Кузнецова, посвященные гуманитарным аспектам безопасности современной цивилизации и формированию

¹ См.: Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2002; Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения. М.: Изд-во РАГС, 2003; Прохожев А.А., Карманова И.А. Регионы России: социальное развитие и безопасность. М.: Типография «Новости», 2004.

² См.: Шершнев Л.И. Особенности институционализации движения к новой безопасности в XXI веке // ЭНДИСИ. 2000. № 4; Он же. Всеобщая декларация ответственности и прав человека – XXI век. Проект // Безопасность Евразии. 2000.

новой парадигмы безопасности XXI в.¹

Таким образом, в настоящее время накоплен огромный фактический и теоретический материал по различным аспектам безопасности, в современной научной литературе представлено множество различных концептуальных подходов к осмыслению понятия безопасности в современных условиях. Однако следует отметить, что работ, посвященных социально-философским и методологическим аспектам исследования безопасности, изучению эволюции представлений о безопасности, сегодня явно недостаточно.

Для выработки необходимых научных оснований современного анализа актуализирующихся проблем безопасности российского социума важно обратиться к историческому опыту теоретического осмысления различных аспектов функционирования и развития социальных объектов, принципов их взаимодействий, условий существования и сохранения в изменяющемся мире. Вопросы безопасности отражены в той или иной мере в структуре многих социально-философских и социологических концепций представителей отечественной мысли прошлого, однако сама постановка проблемы безопасности значительно отличалась от современной и рассматривалась в системе общих представлений о личности, обществе и государстве. Тем не менее, необходимость научного осмысления опыта развития общественных форм и тогда приводила к рассмотрению вопросов о месте человека в мире, а также о взаимовлиянии индивида и социальных процессов, что свидетельствует о гносеологической значимости проблемы безопасности.

Процесс становления социального знания о безопасности в России обусловлен прежде всего особенностями исторического развития российского общества, которые определяют наличие общественных потребностей в разрешении тех или иных возникающих социальных противоречий, грозящих безопасному существованию всего общества и отдельного человека в нем. Обусловлен этот процесс также и теоретико-методологическими предпосылками, которые обеспечивают необходимый уровень научного анализа возникающих социальных проблем. Эти предпосылки имеют социокультурные истоки, т.е. базируется на продолжительном и богатом опыте истории и культуры народа, на сохранении культурно-духовных ценностей и обеспечении устойчивого процесса духовной и интеллектуальной жизни. В нем выражены самобытные черты национальной (русской) идеи, получившие свое развитие в трудах многих представителей философской жизни прошлого.

Предпосылки становления социального знания о безопасности осуществлялись в контексте социальной философии, включая наследие А.Н. Радищева – известного критика социальных несправедливостей русской жизни и угроз безопасности россиян; славянофилов (И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова) и западников (П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского, А.И. Герцена); русских материалистов (М.А. Бакунина, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева); русских позитивистов (П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, К.Д. Кавелина, М.М. Троицкого, Н.М. Коркунова) и др. Вопросы, связанные с выбором дальнейшего пути развития России, принятие и перенесение на российскую почву западной модели безопасного развития, либо поиск собственной стратегии развития, основу которой составляют самобытные национальные традиции и христианская нравственность как высшая ценность в жизнедеятельности человека и общества, широко обсуждались разными представителями общественной мысли.

Многие представители славянофильства рассматривали проблемы безопасности в контексте идей духовности (религиозности), приоритетности национальной русской культуры, общих гуманистических ценностей. Так, А.С. Хомяков полагал, что православие, община и чисто русское сочетание самодержавия с народным самоуправлением и свободой призваны обеспечить безопасное развитие России и обновить европейскую цивилизацию. К наиболее значимым социально-культурным ценностям он отнес отсутствие в русской истории завоеваний, а в традициях – уроков несправедливости и насилия: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения»².

И.В. Киреевский, идеализируя безопасность социальной жизнедеятельности «соборности общины», подчеркивал, что «отличительный тип Русского взгляда на всякий порядок...» заключается в «совмещении личной самостоятельности с цельностью общего порядка...» (из письма к К.С. Аксакову от 1 июня 1855 г.) и полагал, что «смирненность русского народа, его склонность к общественной организации в форме деревенской общины или артели, основанной на взаимопомощи, – все это дает основание полагать, что Россия пойдет дальше Европы в вопросах достижения общественной справедливости и безопасности, в частности найдет путь к примирению интересов капитала и труда».

Полемизируя с западниками, славянофил К.С. Аксаков полагал, что главной причиной создания государства в России является, в отличие от Запада, «необходимая крайность, и они (славяне) признавали его, не смешивая с об-

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860)

Иван Васильевич Киреевский (1806–1856)

Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860)

¹ См., напр.: Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 тт. М., 2008–2009; Он же. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI. М., 2003; Он же. Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. М., 2002; Он же. Культура безопасности современного российского общества. М., 2002.

² Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 150.

щиной, с нравственным внутренним началом, которое сберегли в себе»¹. Именно в общине есть все условия для свободного, безопасного развития личности, в ней всякая «личность свободна как в хоре». Установление государства представлялось Аксакову необходимым вследствие наличия внешней угрозы безопасности, при этом государство

Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856)

Александр Иванович Герцен (1812–1870)

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848)

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885)

трагуется им как «бесспорное зло» и «угнетающая сила», препятствующая гармоничному безопасному развитию личности. Противопоставив социальную сферу государственной жизни, мыслитель пришел к отрицанию необходимости развития в России законных основ безопасности в западном понимании ее смысла. Взгляд славянофилов на общинный уклад жизни как на наиболее приемлемый и безопасный для русского общества в силу характерных для него коллективного способа принятия решений, авторитета групповой морали, высокой социальной однородности и, как следствие, отсутствия ярко выраженных социальных конфликтов и противоречий, будет позднее воспринят теоретиками евразийства и развит в их трудах.

Западники же, напротив, были убеждены, что Россия должна учиться построению безопасного социума у Запада. П.Я. Чаадаев в знаменитых «Философических письмах» вполне однозначно выразил свое отрицательное отношение к России, обвиняя ее в «отсталости» и «бесплодности» своего существования. Однако в «Апологии сумасшедшего» (1837) он приходит к выводу, что «бесплодность» исторического прошлого России является в известном смысле благом. Русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладает свободой духа для выполнения великих задач грядущего. В письме к А.И. Тургеневу (1835) Чаадаев высказывает идеи, близкие мировоззрению славянофилов, и ставит перед своей родиной задачу обеспечения международной безопасности: «Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения все великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы. И почему бы я не имел права сказать и того, что Россия слишком величественная, чтобы проводить национальную политику; что ее дело в мире есть политика рода человеческого...», «провидение создало нас вне интересов национальных и поручило нам интересы человечества...»².

Западник А.И. Герцен, язвительно критиковавший славянофилов, после подавления революции 1848 г. разочаровался в Западной Европе и пришел к мысли, что система безопасности и взаимопомощи в русской общине содержит зачатки социализма. Он полагал, что социализм, экстраполированный на всю систему общественных отношений, небезопасен. В «Письме с того берега» (1849) Герцен прогнозирует: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией»³.

Социально-философская жизнь 80-х гг. XIX в. в России была чрезвычайно насыщена, активно обсуждались проблемы несправедливостей русского общества, обездоленного положения крестьянства и связанные с ними вопросы реформирования социально-экономической и социально-политической жизни страны. Теоретически это выражалось в дискуссии по проблемам свободы и ответственности личности, социального неравенства, особого пути развития России и выхода из сложившейся ситуации обострения социальных противоречий.

В.Г. Белинский выдвигает на первый план проблему личности, безопасное существование которой возможно только при условии обеспечения свободы и независимости и «...только при обществе, основанном на правде и доблести»⁴. Размышляя о том бедственном положении, в котором находится большинство простых русских людей, он говорит о необходимости «пробуждения в народе чувства человеческого достоинства», его правового закрепления, соответствующего здравому смыслу и справедливости. Поскольку «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей!»⁵. Решение основных национальных вопросы в России того периода – уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение как можно строгого выполнения законов – позволит вывести государство из «невежества» и отсталости и способствует дальнейшему безопасному развитию по пути цивилизации, просвещения и гуманизма.

Ученик В.Г. Белинского К.Д. Кавелин, продолжая научное осмысление проблем безопасности российского общества, выдвинул ряд оригинальных суждений о взаимосвязи России с европейской и восточной культурами, о ее близости к каждой из этих традиций (при условии сохранения самобытности собственной культуры), о значении европейской культуры как носительницы общечеловеческих ценностей для формиро-

¹ Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1860–1880. С. 57.

² Цит. по: Лосский Н.О. Истоки русской философии. М., 1991. С. 69.

³ Герцен А.И. Сочинения. Т. 2. М., 1985. С. 89.

⁴ Антология мировой философии. Т. 4. М., 1972. С. 139.

⁵ Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю от 3 июля 1847 г. Соч. в 9 т. Т. VIII. М., 1982. С. 281–285.

вания культуры российской безопасности. Развитие российского общества по пути прогресса невозможно без создания в нем условий для безопасного развития личности. Интерес к проблеме личности обусловил понимание и обоснование важнейшей задачи общества – воспитание нравственной личности. Размышляя о будущем развитии России, К.Д. Кавелин отстаивал необходимость идеологического консенсуса, основы которого, по его мнению, должны содержать не идеалистические или материалистические принципы, а реалистические принципы, формирующие основу теоретико-методологического анализа общественных явлений.

Научное творчество другого крупного мыслителя, современника Кавелина, Н.Г. Чернышевского, было посвящено разработке наиболее ключевых проблем общества, человека, их безопасному существованию с позиций наиболее адекватным российским условиям. Реализуя антропологический принцип при обосновании зарождающихся идей социализма, он утверждал, что в социальных преобразованиях по-настоящему заинтересованы трудящиеся массы, в России с ее историческими традициями вполне возможны социальные преобразования, которые произойдут, минуя стадию капитализма. И связывал он этот процесс, с одной стороны, с ценностями крестьянской общины, а с другой – с результатами проделанного им анализа общественных движений в европейских странах.

На основе антропологического подхода Чернышевский обосновал принцип разумного эгоизма, определивший содержание и характер его этических взглядов. «Одиноко счастья нет», – под этим девизом он вырабатывал свое понимание счастья, которое, по его твердому убеждению, возможно лишь при условии согласования индивидом своих поступков не только с собственными внутренними побуждениями, но, прежде всего, с состоянием общества, т. е. с учетом общего благополучия. Эти размышления Чернышевского об общем благе, к которому индивид приходит путем преодоления изначально присущего ему примитивного себялюбия, впоследствии будут оформлены в понятие «нравственного идеала» в рамках субъективной школы.

Дальнейшее социально-философское осмысление проблем безопасности в России отражено в трудах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, где проблемы безопасности рассматривались в контексте социально-культурного развития страны, т.е. с позиций аксиологического подхода. Кроме того, были теоретико-методологически обоснованы социально-психологические аспекты безопасного взаимодействия личности и больших масс людей. Необходимо отметить, что ко всем этим явлениям и процессам западная наука обратилась лишь спустя значительное время, не подозревая об уже имеющейся русской традиции.

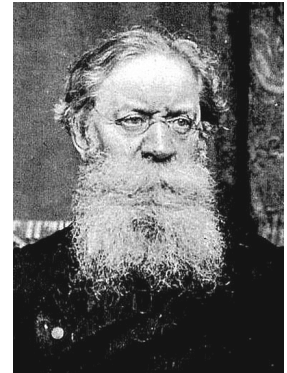
Проблемы безопасного развития российского общества, социальные причины кризиса жизни России, поиск путей преодоления этого кризиса, были актуализированы в творчестве П.Л. Лаврова. Созданная им теория социального прогресса содержит научный анализ духовной и идейной направленности социальных процессов, который позволяет понять природу патологических явлений. «Теория прогресса дает нравственную оценку событиям истории и указывает нравственную цель, к которой должна идти критически мыслящая личность, если она хочет быть прогрессивным деятелем»¹. В рамках теории социального прогресса были сформулированы основы для формирования личности безопасного типа, ее нравственных и эстетических начал. По Лаврову, критически мыслящая личность – это не просто энергичный человек, который только стремится к формированию нового общественного идеала, но это человек, который старается его воплотить в жизнь, постоянно борющийся с отсталостью общественной жизни, общественным «злом» во всех его проявлениях. Эти понятия являлись связующим звеном двух главных элементов прогрессивного безопасного развития российского общества – «солидарного общежития» и «сознательных процессов». Таким образом, представляется возможным сформулировать следующий вывод: объективными признаками безопасного развития российского общества (в контексте теории социального прогресса П.Л. Лаврова) являются рост и укрепление солидарности в обществе и усиление сознательных процессов в личности.

По мнению Н.К. Михайловского, безопасное общество должно состоять из таких индивидуумов, которые способны к взаимопониманию, взаимоуважению и общим усилиям ради достижения счастья. Полемизируя со Спенсером, сторонником эволюционизма, социал-дарвинизма, этот видный российский социолог полагал, что узкие специалисты перестают понимать внутреннюю жизнь представителей других специальностей, а в этом источник равнодушия, даже враждебности. Михайловский выступает как противник применения дарвинистского принципа естественного отбора в социальном взаимодействии: «Наоборот, приспособляя к себе условия окружающей тебя жизни, не дави неприспособленных, ибо в борьбе, подборе и полезных приспособлениях заключается гибель твоя и твоего общества»².

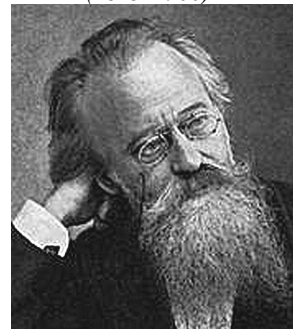
Социокультурные основания для осмысления феномена безопасности были оформлены в концепции С.Н. Южаква. Рассматривая общество как часть природы, ученый определял его как общежитие активных особей, созда-

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889)

Петр Лаврович Лавров (1823–1900)

Николай Константинович Михайловский (1842–1904)

Сергей Николаевич Южак (1849–1910)

¹ Лавров П.Л. Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 239.

² Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1911. С. 166, 308.

ющих специфическую среду (культуру) и составляющих в единстве с ней сложно организованное целое (активно-культурное общежитие). Основы безопасного общежития составляли нравственные начала, способствующие солидарности взаимодействующих личностей и формированию культуры безопасности. Нравственность рассматривалась им как высшая форма активности, как продукт и условие социального прогресса, поэтому в нравственном воспитании он видел главную задачу общества.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919)

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924)

Питирич Александрович Сорокин (1863–1919)

Взгляды на проблемы безопасности оформлялись в трудах выдающихся представителей русской социально-философской мысли – Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, А.С. Лаппо-Данилевского, В.М. Хвостова и ряда других мыслителей. В их трудах заложены фундаментальные разработки теории и методологии преобразования общественной системы в соответствии с новым видением цели достижения более совершенного и более безопасного состояния общества. Их идеи стали значительным явлением научной жизни России в те годы, когда перед лицом глубочайшего духовного кризиса интеллигенция, осознавая свою ответственность перед народом и историей, считала себя обязанной искать ответы на мучившие российское общество вопросы и намечать пути выхода из сложившегося тупика.

Так, А.С. Лаппо-Данилевский разработал ряд основных понятий, призванных раскрыть основы безопасного взаимодействия людей в процессе их совместной деятельности. Одно из них – понятие цели как фактора, который обуславливает структуру любой деятельности. Осознание цели и ее воплощение в реальность составляют содержание общественного прогресса. Другую фундаментальную категорию его концепции составило понятие исторического факта. Под фактом подразумевается процесс воздействия индивида, его сознания на окружающую (прежде всего общественную) среду. Важное место в его методологии отводится процедуре типологического обобщения, которая позволяет фиксировать такие особенности социальных явлений, в том числе и безопасности, которые невозможно выразить с помощью закона. В связи с этим Лаппо-Данилевский ввел понятия «идеальный тип», «репрезентативный тип» и «генеалогический (эволюционный) тип», с помощью которых становилось возможным описание не только наиболее характерных признаков социальных типов, но и их специфических особенностей. Следуя традиции неокантианства, Лаппо-Данилевский предложил определять историческую значимость событий путем отнесения их к ценностям (этическим, эстетическим и др.). Это позволило бы осмысливать социальные факты с точки зрения «безопасного» либо «небезопасного».

В поисках подлинно научных путей и средств изучения проблем безопасности и улучшения жизни общества П.И. Новгородцев обратился к этическому учению И. Канта, на основе которого разработал особый вид мировоззрения, известный в истории социальной мысли как нравственный идеализм. Им введена была в научный обиход новая система понятий, из которых ключевыми являются «личность», «свобода», «долженствование», «социальный прогресс» и «нравственный идеал».

Обязательным условием и естественно-необходимой формой существования личности является свобода. Без свободы нет личности – такова главная идея теории личности Новгородцева. Центральная идея теории личности Новгородцева состоит в том, что единственным субъектом социального выбора и социальных решений является индивид. Это означает, что смысл любого явления (события) может быть постигнут только через индивидуальное бытие и что человек ищет удовлетворение и спасение не столько в обществе, сколько в себе самом, полагаясь исключительно на собственные силы. Такой подход позволил ученому сформулировать идею равенства всех людей как непреложного принципа общественной жизни. Идея равенства легла в основание определения общества как союза равноправных и свободных индивидов, находящихся во взаимодействии и подчиненных нормам совместной жизни.

Равным образом отдельного внимания требуют социологические труды известного русского социолога П.А. Сорокина. Социалист по убеждениям, будущий выдающийся социолог, продолжавший в своем творчестве традиции русской общественной

мысли, верный демократическим идеям П.Л. Лаврова и Н.Г. Чернышевского, наследник российской и западной социальной науки, он избирает темами своих первых исследований явления социального прогресса, счастья (в его отношении к прогрессу). В своей первой монографии «Преступление и кара, подвиг и награда» П. Сорокин, развивая лучшие традиции отечественной науки, провел четкое разграничение отношений, складывающихся в так называемой «замыренной среде» (термин, широко использовавшийся его учителем М.М. Ковалевским) и межгрупповыми отношениями, и использовал выработанные на этой основе суждения о карах и наградах для обоснования следующего тезиса: «Солидарность, зарождающаяся в узких сферах, должна постепенно расширять свои границы – до тех пор, когда наконец станет возможным искоренить жестокости на войне и когда с помощью посредничества можно будет предупредить опасность кровавых межнациональных отношений»¹.

В 1948 г. в книге «Восстановление гуманности» он развил идеи нравственности и обосновал необходимость «нравственного и интеллектуального обновления растерянного и деморализованного сегодня человечества»². Размышляя о проблемах безопасности человека, общества и цивилизации, П. Сорокин подчеркивал, что уберечь

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914. С. 82.

² Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. Пер. с англ. М., 1992. С. 199.

человечество от войн и преступлений необходимо только путем развития гуманного (человеческого) образования и повышения числа образованных людей. Гуманное (человеческое) образование становится возможным только благодаря социологической постановке вопросов, так как важнейшей его функцией является выполнение активной роли в обществе: оно призывает не к простому созерцанию и описанию действительности, а к «работе во имя развития человеческой личности в других, во имя умственного, нравственного и общественного прогресса всех, ибо это единственный путь, ведущий к осуществлению идеала человечности»¹.

Проблемы социокультурного своеобразия и безопасности российской цивилизации были осмыслены представителями евразийского течения, известными своими оригинальными идейно-политическими и социально-философскими воззрениями. Евразийство представляло собой одну из развернутых, теоретически обоснованных версий Русской идеи и было нацелено на объяснение особенностей исторической судьбы российской цивилизации, ее взаимодействий с другими цивилизациями Европы и Азии. Оно сложилось и развивалось в период уникальной мировой исторической обстановки – Первая мировая война, падение сразу нескольких империй, две революции в России, приведшие к установлению принципиально нового общественно-политического и социального строя, – все это изменило общую геополитическую обстановку, оказало огромное воздействие на всю интеллектуально-духовную ситуацию в мире.

Рассматривая теоретико-методологическое наследие евразийства, нельзя не подчеркнуть мысль о том, что все рассматриваемые категории, а именно и общество, и личность, и государство представлены в едином комплексе. Данное единство основывается на идее о соборности, симфоничности евразийского государства. Государство и общество могут и должны трактоваться как личности: единые, органичные, гармонично развивающиеся и определяющие идеальные основы для безопасного социального облика России-Евразии. основополагающие идеи были разработаны Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким, Н.Н. Алексеевым, и в особенности – Л.П. Карсавиным, который концептуально объединил многие мыслительные конструкции евразийцев.

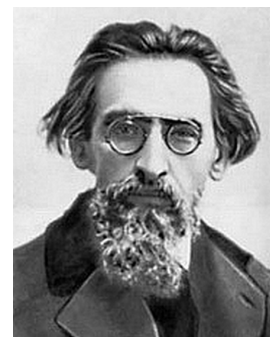
Временные рамки и исторические условия формирования идей евразийцев можно связать с обстановкой размежевания и конфронтации в социальной и культурной жизни послереволюционной России. Наиболее остро в этот период была ощутима потребность в выработке новых идейных основ, способствующих устранению старых противоречий и созданию новых социальных условий формирования и функционирования государственных и национально-культурных структур России-Евразии. Евразийцев, как вынужденных эмигрантов, наиболее остро коснулась проблема единения как государственности, так и духовности. Поэтому идея соборности и симфоничности² для них явилась не только предметом академических споров, но и приобрела «смысложизненный» характер.

Принципы всеединства универсальны и могут быть применены к социологическому анализу и изучению любых явлений и объектов социального взаимодействия, в том числе и к проблемам безопасного существования личности, общества и государства. Концепция всеединства в творчестве Л.П. Карсавина приняла вид учения о симфонической личности. Человек постоянно взаимодействует с окружающей его внешней средой, с другими людьми, а также и с неодушевленными предметами, растениями и животными. В процессе такого взаимодействия выделяются два полюса: индивидуальная личность и «инобытие» – внешняя по отношению к отдельному человеку среда. Единство индивидуальной личности и инобытия и есть симфоническая личность. Особой разновидностью симфонической личности является социальная личность, т.е. такая симфоническая личность, моментами которой выступают только личности (люди), поэтому, помимо общих для любого всеединства свойств, социальная личность в силу своей специфики обладает и другими, характерными только для нее свойствами. Основной любой социальной личности являются связи между индивидами ее составляющими, проявляющиеся во «взаимотдаче», т.е. в социальном взаимообобщении индивидов и групп³. Это и условие для безопасного существования социальных личностей, и гарантия их устойчивости и стабильности, а также основа для их дальнейшего развития.

Таким образом, прочные внутрилличностные связи, иерархическая структура, соборное сознание, обладающий властью правящий слой с возложенной на него функцией управления – основы для сохранения целостности и единства социальной личности в понимании Л.П. Карсавина.

В иерархии симфонических личностей, предложенной автором, государство занимает одну из верхних ступеней, являясь социальной основой и формой целостного единства России-Евразии. Данное единство включает в себя совокупность этносов, конфессий, классов, социальных групп, а также отношений, определяющих само существование гармоничного и безопасного социального общества. Более того, как и любой другой симфонический субъект – государство – «... не агломерат или простая сумма индивидуальных субъектов, но их согласование (симфония), согласованное множество и единство и – в идеале и пределе – всеединство»⁴.

Идея симфонической личности в евразийстве соотносится с православием, она включает в себя особое понимание всеединства, благодати, любви, жертвенности. Симфоничность предполагает и гармоничное разграничение областей ведения и полномочий светской и духовной власти при их «любовном взаимодействии». Именно симфоничность видится евразийцами как способ разрешения противоречий в государственной сфере, а именно способ преодоления опасности приписать государству религиозный смысл и значение, а церкви –

Лев Платонович Карсавин (1882–1952)

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 217.

² Понятие соборности, воспринятое евразийцами из концепции славянофилов, этимологически связано со словом «собор» и выражает русско-православное отношение к принципу всеединства, отражает идею «единства во множестве». (См.: Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 2. С. 312). Сами евразийцы в одном из своих программных документов признают, что их идея основывается, конкретизируется и находит свое выражение во взаимосвязи с «термином византийских канонистов – симфонии, т.е. согласовании и согласованной деятельности». (См.: Евразийство. Опыт систематического изложения // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 266).

³ См.: Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.

⁴ Там же. С. 112.

несвойственные ей и внутренние ее разлагающие государственные функции и задачи.

В условиях России-Евразии, делают вывод евразийцы, возможно и необходимо существование лишь сильного и единого государства. Выражаясь словами Л.П. Карсавина, «государство в таком большом и многонациональном культурном целом как Россия-Евразия, может только или быть сильным или вообще не быть»¹. Эффективную деятельность в государственной сфере обязан обеспечивать правящий слой, который формируется в интересах общества путем «отбора» из народа и потому способен выражать его подлинные интересы и идеалы: выразить и защитить соборную волю, интересы и чаяния общества может только «правлящий слой», вышедший из него и связанный с ним единой идеологией².

Таким образом, можно сформулировать основные концептуальные тезисы евразийства, содержащие идейно-теоретические и социокультурные основания для реализации комплексного подхода к социологическому исследованию проблем безопасности российской цивилизации:

- между Европой и Азией сложился маргинальный социокультурный мир, одновременно и разделяющий, и соединяющий их, – Евразия;
- Россия – это евразийская цивилизация со своей исторической судьбой, отличающейся от судеб европейских и азиатских локальных цивилизаций; континент Евразия сыграл существенную роль в исторической судьбе населяющих его народов;
- о самобытности, уникальности евразийского мира свидетельствуют его географические, хозяйственно-экономические, этнические, культурно-исторические особенности;
- истоки своеобразия российской цивилизации и культуры объясняются ее интегральным характером, тем, что она вобрала в себя витальную, социальную, духовную энергетику большого числа этносов и народов туранского, угро-финского, монгольского, арийского происхождения и превратилась хотя и в «преемницу наследия Чингисхана», но характеризующуюся уже не деструктивным, а напротив, созидательным, высокопродуктивным потенциалом;
- отрицание европоцентристской парадигмы линейного культурно-исторического развития, рассматривающей в качестве венца романо-германскую культуру; опора на парадигму множественности культур, признание за каждой культурой статуса абсолютной полноценности, уникальности ее жизненного пути, непостижимой иррациональности по сути; провозглашение запрета на оценочные суждения по отношению к любой из культур; отказ европейской культуре в праве на исключительность;
- неприемлемость для России чисто западной модели безопасного развития социальной, политической и культурной сфер, в которой не учитывается специфика русской национальной ментальности;
- добавление к традиционной социально-политической формуле-триаде российской цивилизации («православие – самодержавие – народность») новой, более рациональной и прагматичной версии, отвечающей современным критериям: «централизация – дисциплина – самопожертвование»;
- оценка революции как социальной катастрофы, порожденной западными влияниями, процессом двухсотлетней европеизации российского мира, разрушившей базовые психологические и ментальные структуры коллективной души русского народа;
- укрепление православного христианства может стать духовной основой будущего возрождения российской государственности и культуры.

Процесс становления социально-философского знания о безопасности в России носил неоднозначный и противоречивый характер. С одной стороны, можно отметить некую дискретность в развитии, отсутствие преемственности и отрицание накопленного научного знания и методологии предшественников, а с другой стороны, этот процесс имеет свои особенности, выраженные в идеях общинного сознания, соборности, софийности («слово – мудрость – дело»), высокой гражданственности, гуманизма, поиска путей достижения социальной справедливости и безопасности «для всех» через обеспечение безопасности «для каждого».

Главной особенностью начального этапа развития социологической мысли в России было почти одновременное зарождение в середине XIX в. двух направлений, складывающихся на основе идей, перенесенных на российскую почву с Запада и развиваемых в последствие русскими позитивистами и русскими марксистами.

В рамках субъективной школы в русской социологии были заложены теоретико-методологические основы для социально-философского и социологического осмысления проблем безопасности в контексте социально-культурного развития страны, что отразило специфику социологического видения проблем безопасности и опередило в ряде отношений развитие западной мысли (в частности, в ориентации исследований общественных явлений на ценностный подход, на изучение социально-психологических аспектов безопасного взаимодействия личности и больших масс людей, на выделение социокультурных оснований для осмысления самого феномена безопасности).

Идейно-теоретические основания проблем безопасности, противоположные позитивистам-западникам, оформлялись в трудах выдающихся представителей неокантианского направления русской социологии, где были раскрыты основы безопасного взаимодействия людей в процессе их совместной деятельности, осмыслены такие важные категории как «личность», «свобода», «долженствование», «социальный прогресс» и «нравственный идеал».

Равным образом отдельного внимания требуют социологические труды известного российского социолога Питирима Сорокина, где были обоснованы теоретико-методологические основы социокультурного подхода, принципы социального гуманизма и социальной справедливости, необходимые для раскрытия феномена без-

¹ Там же. С. 134.

² Современный исследователь и последователь евразийских идей А.Г. Дугин развивает эту мысль и приходит к выводу, что сегодняшним реалиям современной России соответствует правящий слой иной социальной природы. Он должен отвечать повышенным требованиям и обладать качествами «малого евразийского народа» – быть сплоченным, высокоорганизованным и обладать высочайшими волевыми качествами, которые сегодня, по мнению автора, «фрагменты» и не могут отвечать сложившейся ситуации «надлома культурной жизни русского народа». См. подробнее: Дугин А.Г. Русская Вещь. М., 2002.

опасности культуры как социологической категории.

В рамках евразийского течения в русской социологии были осмыслены вопросы социокультурного своеобразия российской цивилизации, которые содержат идейно-теоретические и социокультурные основания для социологического исследования проблем безопасности российской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1860–1880.
Aksakov K.S. (1860–1880). *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 1. Moskva,
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. М., 1998.
Aleksseev N.N. (1998) *Russkii narod i gosudarstvo* / Sost. A. Dugin, D. Taratorin. Moskva.
3. Антология мировой философии. Т. 4. М., 1972.
Antologiya mirovoi filosofii. T. 4. Moskva, 1972.
4. Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю от 3 июля 1847 г. Соч. в 9 т. Т. VIII. М., 1982.
Belinskii V.G. (1847). *Pis'mo N.V. Gogolyu ot 3 iyulya 1847 g.* In: Belinskii V.G. (1982). *Soch.* V 9 t. T. VIII. Moskva.
5. Герцен А.И. Сочинения. Т. 2. М., 1985.
Gertsen A.I. (1985). *Sochineniya*. T. 2. Moskva.
6. Дугин А.Г. Русская Вещь. М., 2002.
Dugin A.G. (2002). *Russkaya Veshch'*. Moskva.
7. Евразийство. Опыт систематического изложения // Мир России – Евразия. М., 1995.
Evraziistvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya. Mir Rossii – Evraziya. Moskva, 1995.
8. Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
Karsavin L.P. (1993). *Osnovy politiki. Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: Evraziiskii soblazn. Antologiya*. Moskva.
9. Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI. М., 2003.
Kuznetsov V.N. (2003). *Geokultura: Osnovy geokul'turnoi dinamiki bezopasnosti v mire XXI*. Moskva.
10. Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 тт. М., 2008–2009.
Kuznetsov V.N. (2008–2009). *Gumanitarnye vzaimodeistviya: Sotsiologicheskoe issledovanie stanovleniya geokul'turnoi teorii bezopasnosti*. V 3 tt. Moskva.
11. Кузнецов В.Н. Культура безопасности современного российского общества. М., 2002.
Kuznetsov V.N. (2002). *Kul'tura bezopasnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva*. Moskva.
12. Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 2. М., 1965.
Lavrov P.L. (1965) *Filosofiya i sotsiologiya*. T. 2. Moskva.
13. Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований // Полис. 1994. № 1.
Lappo-Danilevskii A.S. (1994). *Ideya gosudarstva i glavneishie momenty ee razvitiya v Rossii so vremen Smuty do epokhi preobrazovaniy*. Polis. N 1.
14. Лосский Н.О. Истоки русской философии. М., 1991.
Losskii N.O. (1991). *Istoki russkoi filosofii*. Moskva.
15. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1911.
Mikhailovskii N.K. (1911). *Polnoe sobranie sochinenii*. Sankt-Peterburg.
16. Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения. М., 2003.
Natsional'naya bezopasnost' Rossii: problemy i puti obespecheniya. Moskva, 2003.
17. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
Novgorodtsev P.I. (1991). *Ob obshchestvennom ideale*. Moskva.
18. Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М., 2002.
Obshchaya teoriya natsional'noi bezopasnosti: Uchebnik / Pod obshch. red. A.A. Prokhozheva. Moskva, 2002.
19. Прохожев А.А., Карманова И.А. Регионы России: социальное развитие и безопасность. М., 2004.
Prokhozhev A.A., Karmanova I.A. (2004). *Regiony Rossii: sotsial'noe razvitie i bezopasnost'*. Moskva.
20. Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. Пер. с англ. М., 1992.
Sorokin P.A. (1992). *Dal'nyaya doroga. Avtobiografiya*. Per. s angl. Moskva.
21. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914.
Sorokin P.A. (1914). *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada*. Sankt-Peterburg.
22. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
Sorokin P.A. (1992). *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*. Moskva.
23. Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988.
Khomyakov A.S. (1988). *O starom i novom*. Moskva.
24. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма в 2-х тт. М., 1991. (Памятники философской мысли).
Chaadaev P.Ya. (1991). *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma v 2 t. Pamyatniki filosofskoi mysli*, Moskva.
25. Шершнев Л.И. Всеобщая декларация ответственности и прав человека – XXI век. Проект // Безопасность Евразии. 2000.
Shershnyev L.I. (2000). *Vseobshchaya deklaratsiya otvetstvennosti i prav cheloveka – XXI vek. Proekt. Bezopasnost' Evrazii*.
26. Шершнев Л.И. Особенности институционализации движения к новой безопасности в XXI веке // ЭНДИСИ. 2000. № 4.
Shershnyev L.I. *Osobennosti institutsializatsii dvizheniya k novoi bezopasnosti v XXI veke*. ENDISI, N. 4.
27. Южаков С.Н. Социологические этюды. В 2-х т. СПб., 1891–1896.
Yuzhakov S.N. *Sotsiologicheskie etudy*. V 2 t. Sankt-Peterburg, 1891–1896.